

Дай Шэнъянь на самом деле не бросил своего младшего ученика, закрывающего врата. Едва получив весточку от слуги, он тут же бросил старого друга, с которым только что встретился, и помчался обратно, да так спешно, что по дороге от волнения выщипал себе несколько волосков из усов.

— Ах ты, ребенок, — с укоризной произнес Дай Шэнъянь, глядя на упрямое лицо Се Цзинлани, и тяжело вздохнул. — Старик-то думал, что ты — баловень судьбы, умеющий плыть по течению, и уж точно не станешь идти напролом со своим отцом. Хотя чего взять с двенадцатилетнего мальчишки, не переросшего еще ребяческий нор.

Се Цзинлань холодно ответил:

— То, что можно стерпеть, нельзя стерпеть.

Дай Шэнъянь шумно вздохнул, помолчал немного и заговорил:

— Цзинлань, не желаешь ли ты покинуть родные края, странствовать со мной, старым дураком, под открытым небом и сделать своим домом весь мир?

Се Цзинлань резко поднял голову и недоверчиво посмотрел на старика.

Он давно знал, что у Дай Шэнъяня легкий и свободный нрав: стоило ему задержаться на каком-то месте, как оно ему надоедало, и он ни за что не согласился бы остаться в Цзиньлине, чтобы мирно встретить старость. Се Цзинлань думал, что Дай Шэнъянь просто ценит талант и потому готов в дни своего пребывания в Цзиньлине кое-чему его научить, заодно пожаловав ему лестное прозвище закрытого ученика Дай Шэнъяня, чтобы жизнь парня стала чуть легче.

Кто бы мог подумать... Дай Шэнъянь действительно готов взять его с собой.

— Раз учитель не брезгует учеником, я хочу следовать за заветами Цзылу и Янь Хуэя и верно служить учителю!

— Ха-ха-ха! У меня, старика, нет ни денег, ни власти — лишь бы ты не боялся трудностей!

— Жить легким облаком и диким журавлем, скрываться в горах и лесах — разве могут мирские богатства сравниться с этим?

Кончики закрученных усов Дай Шэнъяня едва заметно дрогнули, и он промолвил:

— Стыдно, стыдно. Отвергнуть мирскую суету, но остаться у всех на слуху — какое же это отшельничество? Так, празднество по горам и рекам да безделье.

С этими словами он приподнял веки, бросил взгляд на чинно сидевшего рядом младшего ученика, откашлялся и сказал:

— Цзинлань, сегодня учитель не станет наставлять тебя в канонах, а просто потолкует о Дао.

Се Цзинлань выпрямился и серьезно произнес:

— Прошу учителя говорить.

— Смею спросить, что такое речения мудрецов?

Один этот вопрос поставил Се Цзинланя в тупик.

Вопрос был до того необъятным — ведь речения мудрецов и Четырехкнижие с Пятикнижием насчитывают столько иероглифов, что и не сосчитать. Неужели от него требуется пересказать их все?

Поразмыслив немного, Се Цзинлань неуверенно ответил:

— Человеческие устои и мораль?

— О? А почему бессвязная болтовня простых деревенских мужиков и баб не считается речениями мудрецов? Разве еда в голод и одежда в холода — не человеческие устои?

Се Цзинлань возразил:

— Эти истины известны каждому, мудрецы же изрекают то, что обычным людям не под силу выразить.

— Высокие слова может сказать каждый, да и нет в мире никаких речений мудрецов, — мягко и доброжелательно произнес Дай Шэнъянь. — И все же мудрец способен сделать то, чего не могут другие, стерпеть то, чего не стерпят остальные, и вместить то, чего никто другой вместить не в силах, Цзинлань.

Дай Шэнъянь говорил многозначительно, не отрывая прищуренных глаз от своего глубокомысленного младшего ученика. Се Цзинлань опустил взгляд на затейливый узор по краю стола.

— Если я заберу тебя с собой, то, во-первых, ты расширишь кругозор и сможешь сосредоточиться на учебе, а во-вторых, когда минует время и ты оглянешься назад, то поймешь, что нет на свете ничего, от чего нельзя было бы отказаться. Доживешь до моих лет —

так даже если захочешь принять что-то близко к сердцу, сил уже не останется. Небо высоко, облака широки, к чему запира́ть себя в четырех стенах тесного двора?

Но он-то еще не дожил до возрастов Дай Шэньяня.

В двенадцать лет кровь бурлит сильнее всего. И пусть он был куда сдержаннее сверстников, от внутренних терзаний это его не спасало. Мягкость, учтивость, скромность и уступчивость были лишь изящной оболочкой, которую он старательно натянул на себя. Негодование, что копилось капля за каплей, нельзя было высказать вслух или выказать лицом, а потому оно целиком оседало на самом дне сердца, поджидая часа, когда превратится в могучего демона.

Стерпеть минутный гнев — и впрямь удел героев и мужей, но что, если он, Се Цзинлань, добровольно хочет остаться этим мелочным и злопамятным человеком?

— Учитель очень добр к Цзинланю, и Цзинлань не хочет обманывать учителя, — опустив ресницы, произнес Се Цзинлань. — Цзинлань мелок душой и злопамятен. Если учителю не по нраву такой Цзинлань, может лучше и не брать его с собой?

Дай Шэньянь беспомощно покачал головой:

— Ах ты, ребенок, с тобой и впрямь непросто. Если ты таков, то мне точно придется взять тебя под крыло. Без моего стариковского присмотра имя Се Цзинланя, боюсь, попадет в анналы коварных чиновников.

— Учитель излишне беспокоится, творить зло во вред государству и народу Цзинлань не станет.

Се Цзинлань виновато улыбнулся, сложил руки в поклоне и добавил:

— Впрочем, раз учитель милостиво согласен приютить меня, то я вновь обременю вас своими хлопотами.

Когда Се Цзинлань принес эту весть во Двор Осеннего Тунгового Древа, все вокруг пришли в неописуемый восторг. Сяхоу Лянь стоял, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, с легкой улыбкой, а в его глазах мерцал словно растертый в пыль свет звезд. Увидев его, Се Цзинлань почувствовал, как радость в сердце мгновенно увяла: он вдруг вспомнил, что Сяхоу Лянь не сможет поехать с ним — Сяхоу Ляню предстояло остаться в Цзиньлине и ждать мамушку.

Это значило, что день отъезда Дай Шэньяня станет днем их разлуки.

— Молодой господин, вы должны усердно учиться, а когда станете большим чиновником, не забывайте меня! Тогда я буду всецело уповать на вас! — со смешком произнес Сяхоу Лянь.

Се Цзинлань тихо откликнулся и спросил:

— Вернувшись в горы, ты сможешь еще хоть раз спуститься оттуда?

Сяхоу Лянь почесал в затылке:

— Если я унаследую дело матушки, то уж точно спущусь.

— А если не заниматься этим ремеслом, спуститься никак нельзя?

Сяхоу Лянь помолчал немного и ответил:

— И то верно. Разве что стать горным крестьянином и провести всю жизнь на вершине, выращивая рис да цветы.

Чтобы защитить горный храм, Цзялань запрещал кому-либо, кроме ассасинов, входить в горы и покидать их. Случайные путники, забредшие в те места, еще не возвращались оттуда живыми. Все думали, будто горы слишком велики, чужаки теряли дорогу и становились добычей хищных зверей. Никто не ведал, что самыми свирепыми хищниками в этих горах были ассасины Цзялани. Соответственно, и обитатели горного храма не могли выйти наружу, если не становились ассасинами. Потомки убийц были обречены либо пополнить их ряды, либо вечно оставаться узниками леса.

Сяхоу Ляню предстояло сделать выбор. Раньше ради свободы он твердо верил, что должен стать ассасином. Но теперь он вдруг понял, что отнимать чужие жизни не так просто, как казалось. Он вспомнил медленно остывающее тело управляющего, вспомнил кошмар на ветхом вязе, когда челюсти крюка впились в плечо, словно горло занесло дыхание самого Ярмоловича. Ассасины шли рука об руку со смертью, а он еще не был так силен, чтобы перестать бояться гибели.

— Где бы ни были те горы — дождись меня, я приду и спасу тебя, — произнес Се Цзинлань.

Сяхоу Лянь горько улыбнулся и покачал головой:

— Я не могу сказать.

Се Цзинлань твердо ответил:

— Ничего, я сам их отыщу.

— Наверное, я все-таки унаследую матушкино дело, — Сяхоу Лянь подмигнул Се Цзинланю. —

Если к тому времени у тебя действительно хватит мощи тягаться с нами, я пойду к тебе в услужение. Надеюсь, господин Се не откажет мне в миске риса? У меня, Сяхоу Лянь, в голове пусто, но боевые искусства кое-какие имеются, стану твоим стражником, буду дом охранять.

— Договорились. Каждое месяц буду платить по два лян серебра, обеспечу и едой, и крышей над головой, вот только жену не обещаю.

— Ха-ха-ха, благородно!

Два юноши переглянулись, и в глазах каждого сияли россыпи звезд.

Снаружи уже зажглись фонари. Се Цзинлань и Сяхоу Лянь вышли из кабинета: Сяхоу Лянь отправился на кухню за ужином, а Се Цзинлань приподнял полог и свернул в жилые комнаты. Матушка Лань уже накрыла на стол и позвала Се Цзинланя садиться.

Окинув комнату взглядом и заметив, что все слуги на месте, кроме Ляньсян, Се Цзинлань поинтересовался:

— А где Ляньсян?

Матушка Лань ответила:

— Понятия не имею. Еще с полудня ее не видать, небось ушла во флигели к другим служанкам поиграть, скоро вернется.

Се Цзинлань кивнул и не стал придавать этому значения.

Сяхоу Лянь, присев на корточки у порога галереи, в два счета уплел свою порцию и отнес миску с палочками обратно на кухню. Стоило ему приподнять полог, как он нос к носу столкнулся с Ляньсян.

— Сяхоу Лянь, ослеп, что ли? — потершись о шишку на лбу, злобно выпалила Ляньсян.

— У тебя голова из железа сделана? Так больно врезаться! — скривил губы Сяхоу Лянь, но тут же заметил в ее руке мешочек и спросил: — Эй, да это же мой кисет с жгучкой! Почему он у тебя? Ах ты, воришка, украла мои вещи!

— Тьфу! Кто твой-то крал! Сдался мне твой драный кисет! — Ляньсян закатила глаза и швырнула мешочек прямо в Сяхоу Ляня.

Ошеломленный Сяхоу Лянь открыл кисет — жгучей травы внутри и след простыл.

Эту траву он обычно собирал в усадьбе: выглядела она красиво — бутоны розовые, а кончики лепестков чуть розовато-фиолетовые, — вот только голыми руками дотрагиваться до нее не стоило: стоило коснуться хоть чуть-чуть, как тело покрывалось зудящими красными волдырями. Сяхоу Лянь питал слабость ко всяким диковинкам, и жгучка была частью его тайной коллекции.

Раз Ляньсян стянула траву, значит, решила над кем-то подшутить. Сяхоу Лянь решил хорошенько осмотреть свою постель: они с этой девчонкой с малых лет не ладили, того и гляди захочет устроить пакость.

Дай Шэнъянь обсудил с Се Бинфэном отъезд Се Цзинланя, и, как и ожидалось, Се Бинфэн только спал и видел, как бы Се Цзинлань убрался подороже да подальше, желательно навсегда. На том и порешили по обоюдному согласию. Дай Шэнъянь обмолвился Се Цзинланю, что они тронутся в путь, как только потеплеет, а их следующей остановкой, если не будет заминок, станет Шобэй.

Помимо утренних занятий, Се Цзинлань проводил время в Книгохранилище. Сяхоу Лянь, как обычно, перестирывал белье и спешил составить компанию Се Цзинланю, поднося ему чай и воду. Наученный горьким опытом прошлого, да и зная о скором отъезде юного господина, он больше не шатался где попало, а послушно следовал за Се Цзинланем по пятам.

В тот день, когда Сяхоу Лянь от скуки обрывал лепестки цветов на клумбе, в Книгохранилище вбежала бледная, спотыкающаяся матушка Лань и завопила:

— Беда! Беда!

— Что стряслось? — Сяхоу Лянь подхватил матушку Лань под руку, и к ним тут же подошел Се Цзинлань.

— Ляньсян... Ляньсян...

— Что с ней? — спросил Се Цзинлань.

— Ляньсян... Главная госпожа говорит, что та пыталась ее отравить, и приказала... приказала забить до смерти! Молодой господин, скорее в главный двор, Ляньсян уже поволокли туда!

Переглянувшись, Сяхоу Лянь и Се Цзинлань со всех ног бросились к главному двору в надежде, что палачи еще не закончили начатое.

Дорога казалась бесконечно длинной. Поместье Се было невероятно огромным, извилистые коридоры словно нарочно преграждали путь, а натыкавшиеся повсюду искусственные горы и

камни загораживали проход. Прежде изысканные сады и пейзажи теперь казались зловещими и уродливыми.

Пылающее закатное солнце висело над горизонтом, окрасив небо в тревожный, багровый от пожаров цвет. Изредка пролетающие мимо птицы тонули в облаках, словно бросаясь в безбрежное пламя кармы.

Запыхавшись, оба добежали до арки главного двора, как раз когда двое слуг вынесли за порог занавешенное покрывалом тело.

На повороте из-под простыни выскользнула человеческая рука — ухоженная, мертвенно-бледная, с тонкими, похожими на очищенные побеги бамбука пальцами, на которых не было ни единой заусеницы. Увидев эту руку, Сяхоу Лянь словно сломался: слезы брызнули из глаз, и он бросился вперед, пытаясь ухватиться за нее.

Ляньсян всегда тряслась над своими руками, не бралась за стирку или мытье посуды, выполняя лишь тонкую работу с иглой. Она приговаривала, что эти руки созданы, чтобы плести темляки и вышивать узоры для Се Цзинланя, и портить их нельзя. Каждое утро она смазывала их душистым бальзамом и каждые несколько дней подстригала ногти. И вот теперь на таких нежных пальцах меж ногтей чернели щепки — следы от ее отчаянных царапин на деревянной скамье во время пытки.

Сяхоу Лянь вспомнил ее капризный, задиристый нрав, а затем — как в тот день она тайком прокралась в сарай, чтобы принести ему манджов и воды. Ее живое, прелестное личико всё еще стояло перед глазами, а теперь тело уже остыло.

Несколько слуг кинулись вперед, скрутили Сяхоу Ляня и прижали к земле. Тот отчаянно вырывался, глядя во все глаза, как Ляньсян уносят все дальше.

Госпожа Сяо стояла на ступенях в полупрозрачной марлевой повязке на лице, равнодушно взирая на Се Цзинланя и Сяхоу Ляня. Сквозь тонкую ткань проступало несколько красных пятнышек.

— Эта девчонка пыталась отравить меня, и я велела управляющему Лю ее наказать. Се Цзинлань, что ты на это скажешь? — через арку окликнула она юношу.

Управляющий Лю? Какой еще управляющий Лю, разве не его несколько дней назад изнасиловал и убил старший брат Цю? Озадаченный Сяхоу Лянь повернул голову и увидел во дворе того, кто давно должен был быть мертв — с той самой привычной усмешкой на лице, которая принадлежала Цю Е.

Волна ледящего ужаса захлестнула грудь, и спина Сяхоу Ляня покрылась мурашками.

Куда бы ни ступали ассасины Цзяланя, всюду лилась кровь. Он вспомнил недавнюю сделку Цю Е со шпионом из Восточного Завода. Неужели Цю Е, переодевшись управляющим Лю, приходил убить Се Цзинланя?

— Что я могу сказать? Пришел проводить старую служанку в последний путь. Разве госпожа откажет мне даже в этой малости? — Се Цзинлань оттолкнул слуг и помог подняться Сяхоу Ляню.

— Кто знает, не ты ли указал этой девчонке отравить меня!

— Ну допустим, я. И что тогда? Госпожа прикажете прикончить и меня вместе с ней? — холодно бросил Се Цзинлань.

— Ты!

Се Цзинлань повернулся к Сяхоу Ляню:

— Ступай к матушке Лань, а я пойду провожу Ляньсян.

В глазах обоих читалась глубокая, невыносимая скорбь. Сяхоу Лянь сжал запястье Се Цзинланя и позвал:

— Молодой господин...

Се Цзинлань покачал головой и тихо промолвил:

— Я в порядке.

Сяхоу Лянь кивнул, бросил взгляд на Цю Е. Тот отвесил поклон госпоже Сяо и издалека последовал за ними.

Когда Сяхоу Лянь дошел до сада, Цю Е нагнал его.

— Брат Цю, почему ты переоделся...

Цю Е приложил палец к губам и прошептал:

— Тсс, не спрашивай ни о чем.

Сяхоу Лянь хотел было отвернуться и уйти, но Цю Е со вздохом удержал его:

— Жива твоя девчонка.

Сяхоу Лянь замер:

— Что ты сказал?

Цю Е подмигнул:

— Знаю ведь, что она твоя подружка, вот и оставил ей дыхание. Только вот поправятся ли ноги, не ручаюсь.

Сяхоу Лянь был тронут до глубины души:

— Брат Цю, спасибо тебе!

— Сяо Лянь, ты все еще хочешь стать ассасином? — Цю Е потрепал мальчика по макушке.

— Я...

— На самом деле в горах неплохо. Разве что тесновато. Но разве весь этот мир — не огромная тюрьма?

— Брат Цю, почему вы все отговариваете меня идти в ассасины? И Дядя Дуань, и ты... Неужели я и вправду не гожусь?

— Годишься или нет — спроси себя самого, откуда мне знать? — Цю Е усмехнулся, легонько подтолкнул Сяхоу Ляня и сказал: — Ладно, ступай собирай вещи, твой дядя пришел за тобой.

Сяхоу Лянь от удивления лишился дар речи:

— Как? Так быстро?!

<http://bllate.org/book/26257/3145241>